

12+

Наталья Скорых

Когда приходят чудеса

Наталья Скорых

Когда приходят чудеса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70242268

ISBN 9785006211605

Аннотация

Новый год – время, когда зажигаются огни на елках и исполняются самые заветные мечты. Мы взрослеем, куда-то торопимся, спешим и совсем забываем о сказке, что еще недавно согревала наши сердца. Уставшие от суеты, отрываем листок календаря и понимаем – наступает новый год. Время, когда приходят чудеса.

Содержание

Окно в надежду	6
Мой папа Дед Мороз	15
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Когда приходят чудеса

Наталья Скорых

Дизайнер обложки Наталья Скорых

© Наталья Скорых, 2024

© Наталья Скорых, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0062-1160-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Посвящается моей сестре Екатерине, идейному
вдохновителю и лучшему другу*

А помнишь, как в детстве мы зиму любили!
Бежали на улицу, бросив дневник,
Без варежек лихо снегурку лепили,
А рядом большой снеговик.
Катались на санках по снежным сугробам,
Снежинки ловили в открытые рты,
Мы грызли сосульки- и нет там микробов,
Мы строили замки, лепили мосты.
Играли в «войнушку» большой гурьбой,
Снежками – по шубе, по шапке и в лоб,

На лыжах ходили лесною тропею,
И прыгали с крыши в сугроб.

Мы взрослыми стали и с грустью в окошко
Мы смотрим на зиму и видим тоску.
Мы видим сугробы, метель и порошу,
Протектор от шин на снегу.
Мы думаем, как же с утра на работу
Идти по сугробам в метель,
Как хочется кофе... подальше б заботы,
И спрятаться утром в постель.
А дети со школы бегут, торопятся,
Быстрее бы в сугроб занырнуть!
Как хочется снова с детством обняться,
Как хочется детство вернуть!
И снова б снежинки, и снова б сосульки,
И снова б на санках в метель...
С желанием важным поверить вдруг в чудо
И настезь открыть в счастье дверь

Окно в надежду

Маленький Димка прилип к окну так, что нос его стал похож на пяточок. Он долго вглядывался в прохожих, провожая их взглядом, и никто на улице даже не подозревал, что за ним идёт пристально наблюдение. Димка проводил у окна все свободное время, залезая на подоконник и превращаясь в маленького поросёнка со смешным носом. В свои шесть он не разговаривал, объясняясь с ребятами жестами и изредка, когда для него было что-то очень важно, нечленораздельным мычанием, показывая свои эмоции. И дети к этому привыкли и даже понимали, что хочет Димка, но играть в свою компанию не брали, уж очень странным был этот мальчишка, поэтому времени смотреть в окно у Димки было предостаточно. И он целыми днями сидел, прислонившись к холодному стеклу.

– Дим, ну куда ж ты опять залез! – нянечка подошла к подоконнику и вместе с мальчишкой долго смотрела в окно, поглаживая его по плечу, – мамку ищешь?

Димка молча кивнул. Он искал ее уже два года, что был здесь – в детском доме. Он смутно помнил, как выглядит его мама, но четко помнил ее голос и руки. Он вглядывался в толпу пытаясь узнать ее, вспомнить и найти. Мама любила гладить его по курчавым белым волосам и напевать песенку «Спи мой милый мальчик, мой любимый зайчик, глазки ты

свои закрой, мой мальчишка, мой герой». Димка не помнил всех слов, только слово зайчик глубоко засело где-то в подсознании и, найдя в комнате игрушечного зайца, Димка всегда ложил его в кровать, накрывал своим одеялом, и они вместе засыпали под тихое монотонное дыхание мальчика.

Нет, Димка не всегда был таким, поэтому его и не переводили в специальный дом-интернат для особенных детей. Он жил здесь со всеми, в надежде на чудо.

Ещё два года назад он был обычным мальчиком, любимым и счастливым. Но все изменилось в долю секунды под визг тормозов. Последнее, что он помнил, это слово «мама», которое кричал вслед уезжающей с мигалками скорой. Какая-то тётенька прижимала его к себе, успокаивала, но Димка кричал на разрыв. Тогда он ещё не знал, что мама его уже никогда не услышит. Приняв весь удар на себя и отбросив сына на обочину, у нее не осталось шансов. Ее не довезли до больницы, а Димка, по воле судьбы, оказался в детском доме.

Его грустная история трогала сердца потенциальных усыновителей, но брать в семью странного мальчика никто не торопился. Он постепенно привыкал к новой обстановке, но ждать маму ни на минуту не переставал.

– Димуль, а пойдем-ка напишем письмо бабушке морозу, – воспитатель Полина Сергеевна взяла мальчика за руку, и он нехотя стал спускаться с подоконника, – садись. Вот держи карандаши.

Димка кивнул, взял протянутый ему карандаш и начал рисовать. Его рисунок был незамысловатый: большой круг с огромными глазами и улыбкой до ушей, платье – треугольник, растопыренные руки и коротенькие ноги-палки. Странный рисунок. Все было на нем наивно просто. Димка сам вывел четыре заветные буквы, которые он умел писать уже давно. Сложив рисунок пополам, он положил его под подушку.

– Мама? – спросила воспитатель, и Димка активно закивал, – ох, Димочка, хороший мой мальчик, умничка, – она прижала мальчишку к себе и поцеловала в макушку.

Димку в детском доме любили все. Его курчавый светлый волос и большие голубые глаза, его открытое доброе сердце и грустный взгляд не оставляли никого равнодушным. Но Димке, не смотря на хорошее отношение окружающих, нужна была мама. Нужна, как и любому обычному ребенку, тем более он знал, что она у него есть и не понимал, почему не приходит за ним. Он помнил, как ее увезли на машине с мигалкой и больше он ее не видел. Мальчишка не понимал, что мамы больше нет, ему никто не объяснил, что такое смерть.

И он ждал ее, сидя на подоконнике. Всмотривался в прохожих и терпеливо ждал.

Перед новым годом снегу навалило особенно много, снег засыпал все дорожки на площадке, все крыши домов и магазинов. Все дети радовались, только Димка был расстроен –

из-за снега все прохожие смешались в его глазах, превратившись в одинаково белых снеговиков. Весь детский дом стоял на ушах в ожидании праздника: дети писали письма деду морозу, взрослые готовили представление. Но несмотря на все старания, Новый год в детском доме обещал быть провальным. Нет, готовились к нему всем составом, репетиции шли каждый день, сценарий был интересным, но вот задача – весь коллектив в детском доме женский – Деда мороза играть было некому. Единственный мужчина сторож Михалыч и, по совместительству, главный герой праздника, перед самым новым годом попал в больницу. Вариантов на замену было немного: повариха Галочка – но фигура ее была слишком объемная, необъятного размера она не влезла в костюм, как ни старалась; да помощница по хозяйству боевая женщина Тамара, тетка вроде хоть куда, но вот задача – речь ее была сильно испорчена словами-паразитами, «ну это, как его...», произносимыми через слово. И эту фразу не удалось выбить из ее головы ни при каких обстоятельствах и условиях. Остальные же женщины оказались все при своих ролях. Воспитатели Ирина и Полина были заняты в роли Снегурочки и феи. Старший же педагог Анна Павловна была ростом метр пятьдесят, и баба Яга была ее профиль.

Заведующая Инга Борисовна сбилась с ног в поисках Дедушки Мороза. Платный, большой и красивый был не по карману, и скромный бюджет праздника не подразумевал такие расходы. Инга Борисовна искала дедушку среди

знакомых и родственников своих и персонала. Но все были то заняты, то слишком стеснительные. Беда, а не праздник. Она любила этих детей, все они были для нее по-особенному родными. Инге Борисовне был важен каждый значимый момент в их жизни. Она старалась сделать необычным и запоминающимся каждый день – детство никогда больше не вернётся, и она это понимала.

В предпраздничный суматохе, все куда-то бежали, наряжались, второпях повторяли слова, напевая под нос песни. Инга Борисовна приготовила костюм, чтобы самой выйти в образе деда Мороза, но, в надежде на чудо, выглядывала в окно, думая свои грустные мысли... В глаза ей бросилась семейная пара, что-то бурно обсуждающая около ворот здания. Заведующая, наспех накинув на плечи пальто, выскочила на улицу. Какая-то неведомая сила подтолкнула ее к этому безрассудному поступку.

Маленький Димка, прислонившись к окну, начал гладить стекло ладошкой:

– Ма, ма, – шептал он, будто боясь своих слов.

Белоснежная шапочка и такое же белое пальто, как у его мамы выделило эту женщину из толпы одинаковых снеговиков. Он вспомнил. Он узнал ее. Она не слилась с прохожими, она стала особенной, другой и родной.

Женщина, спорившая с мужчиной, не слышала, как мальчик звал ее, но чувствовала, что ей просто необходимо прой-

ти за высокий забор и войти в большое здание с синей вывеской.

– Максим, ну давай зайдём. Давай хоть спросим. Что тебе стоит? – умоляла женщина, – Мы же загадали, что в новый год нас будет уже трое.

– Тань, хватит. Нет, так нет. Проживем без детей. Живут же люди... Брось свои глупости

– Ну миленький, – плакала женщина, – хоть разок посмотрим. А вдруг... Они же дети, они все хорошие.

Но мужчина был непреклонен. Он устал от вечных обследований и докторов, устал от неудачных попыток ЭКО, устал от слез жены. Просто устал, и уже, опустив руки, ничего не хотел.

– Мужчина, мужчина, постойте, – заведующая в туфельках бежала по снегу, – подождите.

Он оглянулся. Какая-то бешеная тетка, в пальто нараспашку неслась прямо к нему.

– Мужчина, вы нам нужны. Очень, очень нужны. К нам дед Мороз на праздник без вас не придет. Помогите.

Обе женщины с мольбой посмотрели на Максима. В каждой теплилась своя надежда. Не дав ему опомниться, Инга Борисовна, схватила мужчину и повела внутрь. Следом спешила Татьяна.

– Праздник у нас сегодня. Администрация, отдел образования – все будут, а деда Мороза нет. Выручайте.

– Женщина, угомонитесь, постойте! Какой такой Мороз?

вы что с ума сошли! – Максим выдернул руку из руки заведующей.

И вправду бешеная.

Он обернулся. Во все окна смотрели дети. Девочки и мальчики. Совсем маленькие и постарше. Они все были разные, все в веселых ярких костюмах. Максим понял, что они ждут именно его.

Среди всех детских лиц только белокурый мальчишка показался Максиму грустным, он сидел на подоконнике и что-то шептал. Максим непроизвольно помахал ему рукой, и мальчик ответил тем же.

– Пойдем, – Татьяна подтолкнула мужа вперед

В детском доме было как в улье. Звонкое ж-ж-ж слышалось в каждом углу. Семейная пара прошла мимо столпившихся детей, и Татьяна внимательно всматривалась в их лица. Ей показалось, что все они похожи. И большие, и маленькие были на одно лицо, и Татьяна растерялась.

Инга Борисовна провела супругов в свой кабинет и, не давая возможности мужчине передумать, стала примерять на него костюм.

– Костюм впору, борода, как влитая – красавец! Посох, посох не забудь. Слова? Слова читай, а что не запомнишь по ходу сообразишь. Там тебе помогут, – Татьяна проводила мужа за кулисы и потихоньку прошла следом.

Глаза ее бегали из стороны в сторону, рассматривая детей.

– Дед Мороз, дед Мороз! – громко кричали в зале.

Максим, стуча посохом о пол, вышел, кряхтя и охая. Ёлка, гирлянды и куча детворы. Он растерялся.

Каждому хотелось прикоснуться к бабушке, потрогать, загадать желание, рассказать стишок.

Татьяна смотрела из-за кулис и плакала. Только теперь все дети стали для нее разными, особенными, каждый со своей грустной историей. Они обступили деда Мороза, радостно толкаясь и приплясывая. Только один мальчик сидел на стульчике, отвернувшись к окну. Он не радовался деду Морозу, не водил хоровод и не пел песни. Он внимательно вглядывался вдаль.

Максим сильно нервничал, путал слова, но от этого выглядел ещё добрее и смешнее. Праздник удался! Детвора была в восторге. Только по щеке Бабушки Мороза, почему-то текли слезы.

– Фото, ребята встаём на общее фото, – Инга Борисовна строила детей около деда мороза.

Все бегали, суетились, искали лучшее место рядом с бабушкой. Среди шума и гама внезапно раздалось громкое «МАМА»!

– Мама! – белокурый мальчишка, оттолкнув хлопотавшую около него фею, побежал за кулисы, – Мама!

Татьяна не успела опомниться, как у нее на шее повис мальчишка. Он целовал ее в лицо и плакал:

– Ты вернулась! – всхлипывая он, – Мама!

– Женщина извините, – Инга Борисовна взяла Димку

за руку, – это наш Дима, он особенный.

– Мама! – закричал Димка еще крепче ухватившись за Татьяну

Инга Борисовна только сейчас поняла – заговорил. Их милый Димка снова заговорил.

За кулисы прошел Дед Мороз. Трогательная сцена, слезы и мальчик, тот самый, что махал ему в окно. Все решилось в одну минуту. Новый год они встретили вместе. Втроём. Незамысловатый рисунок с важной надписью стал пророческим и был главным подарком маме.

А через два месяца по дороге от детского дома шла семейная пара, посередине, держа родителей за руку, шагала мальчишка лет шести. У окна, вытирая слезы стояла Инга Борисовна. Мальчишка улыбался. Не оглядывался назад, а шел уверенно вперёд.

Вдруг он спросил:

– Мам, а почему у нашего папы ботинки как у деда Мороза?

И снова по щеке скатилась слезинка. Теперь уже от счастья.

Мой папа Дед Мороз

– Пал Саныч, ты в этом году с нами? – это был скорее риторический вопрос, потому что уже много лет ответ на него был один.

– С вами, с вами, а куда ж я денусь, – старик пригладил седую бороду и улыбнулся.

– Ну вот и порешили, – радостно ответил председатель сельсовета, – делов нынче много, кому праздник, а кому хлопоты, – озадаченно проговорил он свои планы, – у Юрченко парнишка ногу сломал, надо будет дома навестить. Костик Ивашов – этот, как всегда, ждёт, одна радость Дед мороз, да кулёк конфет. Панфилова – обязательно, там мал – мала – меньше. Ёлка в клубе, в школе и саду – тут все по расписанию, тут праздник никто не отменял.

Пал Саныч знал этот список наизусть, заранее готовил программу и каждый год участвовал в подготовке подарков для сельских детей.

Вот и сейчас, придя домой, он разложил на стол маленькие игрушки, сувениры, что так бережно складывал целый год. Что-то покупал на ярмарках-распродажах, что-то делал своими руками, что-то с детьми, на творческом кружке в сельском клубе. И к концу осени он был уже во всеоружии. Оставалось только подождать пару-тройку недель, и новогодняя суета поглощала его целиком и полностью.

Так завелось, что ещё с самой молодости он был Дедом Морозом в своем родном селе. Он помнил свой первый новогодний выход к ёлке в детском саду у дочки Катюшки, как будто это было только вчера. Помнил ее глаза, в которых светилося счастье, помнил улыбки на детских лицах и был в восторге от своей роли зимнего волшебника. С тех пор каждый год стал для него годом радости, подарков и вдохновением на следующий. Это была не работа – это было его призвание. Призвание быть Дедом Морозом!

Пал Саныч закрыл глаза и все вокруг ожило, запело и закружилась в новогоднем хороводе. Его маленькая Катюшка берет его за руку и рассказывает стишок про снеговика, который учила дома с ним, с папой. Но сегодня он был ее Дед Мороз. А в голове четко звучит:

Снеговик, снеговик,
Он трудиться не привык,
Целый день стоит с метлой,
А работы никакой.

Его Катюшка весело смеётся, получает большую конфету и бежит к маме. А рядом уже другой ребенок, новый стишок, задорная песенка про снежинки. И все вокруг пропитано запахом хвои, мандаринов и счастья.

А дома, за новогодним столом только и слышно, какой в саду был весёлый дед Мороз, самый что ни на есть поправдышный и настоящий. А Катюшка шепчет ему на ухо: «Пап, а почему у дедушки Мороза валенки, как у тебя?»

А он целует ее в курносый носик и отвечает: «Ой, доча, так все вокруг валенки одинаковые. Наверное, тебе показалось. Посмотри, там у печки стоят мои, греются». И Катюшка бежит к печке, смотрит и хохочет. «И правда, папуля, вот они твои».

Пал Саныч открыл глаза. Оглянулся вокруг. Пусто. Только в печи тихо потрескивают берёзовые поленья.

Новогодняя сказка растворилась в один миг. Он снова был один – одинешенек.

Его Катюшка уехала в большой город. Теперь она уже не Катюшка, а Екатерина Павловна, директор крупного московского филиала. Важная и солидная барышня, бизнес-леди. У нее своя жизнь, полная забот и работы, расписанная по минутам, где нет времени на семью, детей и простые человеческие радости.

Пал Саныч снял со стены портрет, протер морщинистой ладошкой с него пыль, поцеловал холодное стекло, из под которого на него смотрели счастливые лица: вот она его Катюшка-старшеклассница; вот Леночка – любимая жена, его друг и товарищ, его счастье и тоска; а вот и он – преподаватель физики, тогда еще чуть моложе и без очков. Все вместе, все рядом. Вся его семья.

Он всегда хотел иметь большую семью, мечтал о троих детях, но жизнь распорядилась иначе. Его Леночка была с молодости болезненной и хрупкой. Рождение Катюшки стало для них праздником и огромной победой над судьбой. И он

души не чаял в своей единственной, такой любимой и долгожданной Катюшке. Она и стала его отрадой и счастьем на всю жизнь. Похоронив Леночку, и проводив Катюшку в город, Пал Саныч остался совсем один. И только месяц декабрь стал украшением его жизни, а новогодняя суэта смыслом и избавлением от одиночества.

– Катюшка, дочка, здравствуй, – он набрал до боли знакомый номер, цифры которого давно знал наизусть, – как ты, моя хорошая?

– Папка, – услышал звонкий голос в ответ, и внутри защемило от тоски, – привет! Как я рада тебя слышать! Как у вас погода? У нас тут снег уже третий день!

– Морозно, – ему хотелось бесконечно слушать родной голос, – Катюшка, какие планы на новый год? Приедешь?

– Папка, ты же знаешь, работа, будь она неладна, – в голосе слышалась грусть, – я пока не знаю. А ты как? Валенки приготовил?

– А как же! Приготовил, – отшутился он, хоть на душе заскребли кошки.

– Папочка, миленький, извини, у меня совещание через пять минут, – ему стало грустно от этих слов.

– Беги Катюша, работай, а я вечером перезвоню, – он положил трубку, и на обоих концах повисла щемящая тишина.

Екатерина Павловна сидела молча. Кофе остыл. Как же она соскучилась по дому, по теплым папиным объятиям, их

дружному чаепитию и нарядной ёлке, которую они украшали во дворе всему селу на радость.

– У вас совещание, люди ждут, – услышала она от секретаря и нехотя двинулась к залу заседаний.

Два десятка глаз вглядывались в ее лицо, ловив каждое слово и эмоцию. Она, как всегда, была на высоте: правильно поставленная речь, идеально подобранный костюм, безупречная прическа и макияж. Только грусть в глазах выдавали в ней простого человека, а не сверхженщину.

– Какие будут вопросы? – она окончила свой доклад, давая возможность диалога.

– Вопрос только один, – раздался голос начальника отдела кадров, – скоро новый год. Как будем поздравлять сотрудников, их детей и будет ли корпоратив? Какая сумма расходов планируется на проведение новогодних мероприятий?

Екатерина Павловна задумалась. Она забыла, что все вокруг простые люди, а на носу праздник. Работа, работа и ещё раз работа. Она так жила, так привыкла и уже не замечала ничего вокруг. Ей давно перевалило за двадцать. Так давно, что она потеряла счёт времени. Наверное, и тридцать уже прошло мимо. Ни семьи, ни детей, ни даже кота. У нее есть только огромная квартира, идеальная, но пустая и безжизненная. В ней даже кактусы не растут, потому что ей некогда их поливать. Даже кактусы.

– Новогодние мероприятия мы обсудим завтра, на внеплановом совещании. А сегодня всем спасибо, – она не дала

шансов возразить, и первой вышла из зала.

Она устала. Впервые за год раньше времени ушла с работы. Ее автомобиль был сегодня в сервисе, и Екатерина Павловна решила пройти пешком. Как давно она не видела город таким живым и красивым, ежедневно проезжая мимо улиц, людей, мимо суеты и праздника, она и не задумывалась, как все происходит там – за лобовым стеклом. А город шумел, светился вывесками, и кричал на каждом углу – новый год. Новый год!

Сняв сапоги в прихожей, она босая прошла в гостиную, снимая на ходу пальто. Пусто. Тоскливо.

– Папка, родной, – Екатерине нужна была поддержка и теплые слова, – я дома, давай поболтаем. Я соскучилась.

– Катюшка, я так рад, так рад! Два раза за день услышал твой голос – Пал Саныч вытер слезу.

Они болтали до самой ночи. Она давно не была так счастлива. Она всегда скучала, но к папе ездила один раз в год, в день маминой смерти. Они долго сидели на кладбище, вспоминали былое. Странно, их разделяли всего пятьсот километров, казалось бы, не так далеко, но работа, где всегда были дела и нерешенные проблемы, делала эти километры непреодолимой пропастью. Зато полеты зарубеж, поездки в Москву были регулярны. А это вовсе не пятьсот километров, это гораздо больше, и как оказалось намного важнее. И почему она подумала об этом только сейчас, где была все эти годы и когда успела стать такой черствой. Наверное, по-

сле маминой смерти, когда сбежала от реальности в большой город, который поглотил ее полностью, сделав своим заложником.

Екатерина взяла семейный альбом, который так старательно собирала ее мама, подписывая каждую фотографию. Вот она в саду на ёлке, а рядом Дед мороз в папиных валенках. А вот шестой класс, где она ещё верит в новогоднего волшебника. Она помнит, как горько плакала, когда узнала, что ее любимый папочка – это и есть Дед Мороз. Она тогда пошла к директору после праздника, по поручению учителя и, заглянув в кабинет, увидела папу без грима и бороды, но в костюме. Это было самым сильным разочарованием для двенадцатилетней девочки. Хотя все ее одноклассники давно уже не верили в новый год, Екатерина свято хранила в душе этот теплый праздник, когда сбываются мечты и приходит он – главный герой в красной шапке и с белой бородой. Она нисколько в нем не сомневалась, да и подарки он приносил всегда именно те, что Катя загадывала.

Тогда ситуацию спасла мама, сказав дочке, что ее папа волшебник, и ни у кого на свете нет такого особенного папы. Только он может приносить счастье детям и Екатерина, помня, светящиеся детские глаза, поверила маме. Она стала папиной помощницей Снегурочкой, и считала честью помогать главному, такому родному и настоящему Деду Морозу. Помогала, верила и гордилась своим папой.

Как же давно это было, как же хорошо и счастливо.

– Заявление на отпуск в самый неподходящий момент? – возмутились в столице, – Екатерина Павловна, не замуж ли вы собрались?

– Почему в неподходящий, – Екатерина отстаивала свои права, – все вопросы решены, отчёт на конец года готов, корпоратив и подарки организованы, сотрудники уходят на выходные. А я? Я тоже человек!

Она выиграла этот бой с начальством, и теперь спешно собирала сумку. Торопилась. Боялась упустить даже минутку свободы. Всего лишь несколько часов отделяли ее от самого дорогого ей человека. А подарок? Как же в этой суматохе она забыла про подарок. Екатерина быстро сбежала по лестнице, дребезжа колёсиками чемодана по ступенькам, и выскочив на улицу споткнулась о коробку, которая запищала и отлетела.

– Кто там? – Екатерина подняла пустую картонную коробку, – Странно, но пусто. Я что схожу с ума? – она разговаривала сама с собой.

Екатерина хотела шагнуть вперёд, чтобы положить коробку в мусорный бак, как заметила около ног маленького белого котенка. Малыш тёрся о ее сапоги и тихо плакал. Ей показалось, что он мурлычет «мама».

– Ну и чей же ты? И куда тебя девать? – спросила она у котенка, и тот в ответ пропищал «мама», – хорошо, уговорил, поедешь со мной Снежок.

Екатерина Павловна села в машину, завела мотор, и под монотонный гул работающего двигателя, задумалась: «Не очерствела, не постарела, просто чуть-чуть устала». Она улыбнулась сама себе и нажала на газ. Ее попутчик, согревшись, примостился на переднем сидении и уснул. Автомобиль мчался по трассе, на обочине мелькали заснеженные ёлки, а она ехала к своей мечте.

Пал Саныч проверял последние приготовления, развешивал на ёлке гирлянду. Он старался. Всегда сам контролировал украшение сельского клуба. Он был Дедом Морозом до мозга костей, и даже борода его со временем стала настоящей. Он охал, потихоньку ворчал себе под нос, что-то переделывал, где-то поправлял.

Она стояла за его спиной у двери. Подглядывала. Как же он изменился за год: поседел, постарел, чуть осунулось лицо, но он оставался все тем же добрым и милым папой. Теперь он ещё больше походил на Деда Мороза, и даже накладная борода и грим уже совсем не требовались. Он так входил в роль, что сельские дети не узнавали его, и верили – настоящий. Самый что ни на есть настоящий.

– Пал Саныч, здравствуй, – услышал он за спиной, – завтра праздник, а у нас ЧП, – председатель развел руками, – Снегурка твоя совсем захворала. Прямо расклеилась, как сахарная.

– Да уж, – Пал Саныч пригладил бороду, – беда.

– А вот и нет, – все обернулись, – папуля привет, – Екатерина повисла у отца на шее, – если не сочтёте меня за старуху, то буду вашей Снегурочкой. Как в старые добрые времена

– Спасительница ты наша, – лицо председателя вытянулось в улыбке.

– А как иначе, – Екатерина засмеялась, – папина дочка!

– Папина, – гордо подтвердил Пал Саныч, – папина!

Это был счастливый подарок для обоих. Они крепко обнялись, как раньше он чмокнул ее в носик, а она потрепала густую бороду. Все возвратилось на круги своя, их семья снова в сборе. Это был не сон, который они часто смотрели оба на расстоянии в пятьсот километров, это была явь, о которой каждый из них мечтал и скучал. И как раньше у него – настоящего Деда мороза была настоящая Снегурочка. Его Снегурочка!

– Снегурочка! Снегурочка! – она слышала крики детей и очень волновалась.

Уж очень много времени прошло с тех пор, как она рядом с папой встречала новый год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.